

УДК 82:821.161.1

**В. Г. БЕЛИНСКИЙ – ОСНОВОПОЛОЖНИК
ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ**

© *Затеева Татьяна Владимировна*

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета.

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: vlatat1954@yandex.ru

Статья посвящена изучению рецепции творчества М. Ю. Лермонтова в трудах В. Г. Белинского. С позиций выведенной Белинским формулы величия писателя автор рассматривает основные положения статей о Лермонтове и утверждает, что критик, признав творчество поэта эталоном художественности, стал не только основоположником лермонтоведения, но явил собой образец конгениального Лермонтову читателя.

Ключевые слова: лермонтоведение, художественная концепция творчества, художественность, конгениальность.

V. G. BELINSKY – FOUNDER OF LERMONTOV STUDIES

Tatyana V. Zateeva

DSc, professor of the Department of Russian and foreign literature, Buryat State University.

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is about studying the reception of M. Lermontov in the works by V. G. Belinsky. From the position of Lermontov's greatness formula created by Belinsky, the author reviews main constructs of articles on Lermontov, and claims that the critic has admitted Lermontov's works as an artistic standard, has found Lermontov studies, and also has been an example of a reader congenial to Lermontov.

Keywords: Lermontov studies, artistic creativity concept, artistry, congeniality.

Общепризнанным фактом современного литературоведения является утверждение о том, что своей критической и теоретической мыслью В. Г. Белинский на многие годы опередил современную ему литературную науку, поставив перед ней задачи, которые будут решать исследователи новых эпох, и тем самым явился родоначальником многих научных направлений.

Так, в знаменитой «Лермонтовской энциклопедии», увидевшей свет в 1981 г. (2-е издание – 1999 г.), В. Г. Белинский назван основоположником отечественного лермонтоведения. Подвергать сомнению это утверждение не имеет смысла уже потому, что даже самое поверхностное знакомство со статьями критика, посвященными творчеству М. Ю. Лермонтова, убеждает в том, что Белинский не только в присущей для него возвышенной и восторженной манере отозвался о гении поэта и обстоятельно,

тонко и глубоко прочувствованно проанализировал его произведения, рассмотрел их сквозь призму своей оригинальной – художественной и субъективной – концепции поэзии, но теоретически обосновал ряд основополагающих принципов, лежащих в основе современного лермонтоведения. Белинский, по сути, довел анализ произведений поэта до той точки, находясь на которой, открыл магистральное направление идейного и творческого взросления Лермонтова и вместе с тем обозначил перспективы развития всей русской литературы.

В этом, в частности, убеждает буквальное воспроизведение критиком определения великого поэта (писателя), данного им в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835). По мнению Белинского, его отличительными чертами являются «простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность...» [1, I, с. 284]. Названные признаки критик широко распространил на творчество Лермонтова, сквозь их призму охарактеризовав его произведения в двух главных «лермонтовских» статьях – «"Герой нашего времени"», сочинение М. Лермонтова» (1840) и «Стихотворения М. Лермонтова» (1841). Эти статьи представляют собой своеобразный пролог к масштабному исследованию Белинского о творческом наследии поэта, замысел которого, к сожалению, так и остался нереализованным. Однако, представляется, что предложенная в них формула великого поэта сохраняет свою актуальность и в наши дни и продолжает оказывать воздействие на формирование современных концепций творчества М. Ю. Лермонтова (даже если исследователи об этом не говорят прямо). Рассмотрим ее основные слагаемые более подробно.

Так, размышляя о первом признаке гения – простоте вымысла, Белинский передает сюжет повести «Максим Максимыч» из «Героя нашего времени» буквально в двух предложениях. Первое: офицер-рассказчик стал невольным свидетелем случайной встречи двух старинных знакомцев – Максима Максимовича и Печорина. Второе: первый сердечно обрадовался этой встрече, второй, напротив, повел себя сухо и отчужденно, не пожелал даже задержаться на пару часов, чтобы вспомнить с добрым штабс-капитаном о совместно прожитом времени. В этом незамысловатом сюжете, по справедливому замечанию критика, нет «романического содержания», занимательного сюжета, это всего лишь «отрывок из жизни человека», но он потрясает другим – способностью писателя «извлекать поэзию из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни» [1, I, 291]. В повести «Максим Максимыч» есть другое – «весь человек»: «Поэт хотел изобразить характер и превосходно успел в этом...» [1, IV, с. 225].

Второй признак великого поэта – совершенную истину жизни критик усмотрел в том, что Лермонтов, по его словам, «не льстит жизни, но и не клеветает на нее; он рад выставить наружу всё, что есть в ней прекрасного и человеческого, и в то же время не скрывает нимало и ее безобразия. В том и в другом случае он верен жизни до последней степени» [1, I, с. 292–293]. Этот тезис подтверждается мыслью Белинского о Лермонтове как истинном поэте, принадлежащем обществу, в кото-

ром родился. По словам критика, он тесными узами связан «с историческим развитием общества», а каждое его произведение отражает одно из главных современных общественных настроений – уныние и отчаяние [1, IV, с. 502]. Это касается и его лирических стихотворений, и романа «Герой нашего времени». Например, о «Думе» критик замечает: «Кто из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?..» [1, IV, с. 522]; о стихотворении «И скучно и грустно»: «...потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни! (...) Это не минута духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это – похоронная песня всей жизни» [1, IV, с. 525]; о мировоззрении Печорина: «этого странного человека, который, с одной стороны, томится жизнью, презирает и ее, и самого себя, не верит ни в нее, ни в самого себя, носит в себе какую-то бездонную пропасть желаний и страстей, ничем ненасытимых, а с другой – гонится за жизнью, жадно ловит ее впечатления, безумно упивается ее обаяниями» [1, IV, с. 526]. Но в творчестве поэта, по наблюдениям Белинского, есть место и другим чувствам – любви, нежности. Например, в стихотворении «Молитва» лирический герой поручает Божьей матери, «теплой заступнице мира холодного», невинную деву и выказывает, по мнению критика, кроткую задушевность, нежность без всякой приторности, «благоуханное, теплое, женственное чувство» [1, IV, с. 529]; в стихотворении «Благодарность» звучит «мелодия грусти, это кроткое страдание любви, последняя дань нежно и глубоко любимому предмету от растерзанного и смиренного бурей судьбы сердца» [1, IV, с. 532]; в стихотворении «Из Гёте» «грациозно», по словам Белинского, передается «тихое, успокоительное чувство ночи после знойного дня» [1, IV, с. 537]. Таким образом, завершает свою мысль Белинский, в творчестве Лермонтова отразились «все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе всё живет; ему всё доступно, всё понятно; он на всё откликается», а это и есть «совершенная истина жизни» [1, IV, с. 545].

Третий признак – народность, по мнению критика, составляет «верность изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа... Жизнь всякого народа проявляется в своих, ей одной свойственных формах, следовательно, если изображение верно, то и народно» [1, I, с. 295]. С этой точки зрения, и «Казачья колыбельная песня», главная тема которой – любовь матери, но в которой «поэт умел дать индивидуальное значение этой идее: его мать – казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает особенности и оттенки казачьего быта», а, главное, постиг тайны женского и материнского чувства, передал «всё, что есть святого, беззаветного в любви матери» [1, IV, с. 535–536]; и «Песня про ... купца Калашникова», в которой Лермонтов, по словам Белинского, «показал богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества; показал, что прошедшее его родины так же присуще его натуре, как и настоящее, и поэтому он в этой поэме является не безыскусственным певцом народ-

ности, но истинным художником...» [1, IV, с. 517]; и повесть «Бэла», в которой автор познакомил читателя с черкесами как с племенем и «могучей художнической кистью» создал яркие характеры Азамата и Казбича – «вот что называется рисовать фигуры во весь рост, с национальной физиономией и в национальном костюме» [1, IV, с. 220].

Таков и главный герой Лермонтова Печорин, в образе которого автор предельно точно уловил облик современного человека – представителя интеллектуальной части русского общества; размышляющий об окружающих, о самом себе и своих поступках человек, – а современный век, как проницательно заметил Белинский о своем времени, «есть век сознания, философствующего духа, размышления, «рефлексии»...» [1, IV, с. 518]. Печорин как раз находится в том переходном состоянии духа, в котором, по словам критика, «для человека всё старое разрушено, а нового еще нет, и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем» [1, IV, с. 253].

По мнению Белинского, четвертый признак величия поэта – оригинальность, которая, как и народность, «есть необходимое условие истинного таланта. (...) У истинного таланта каждое лицо – тип, и каждый тип, для читателя, есть *знакомый незнакомец*» [1, I, с. 295–296], а то, что Лермонтов умел создавать типические, «характеристические» образы уже в самом начале творческого пути, у критика сомнений не вызывало. Примером тому являются и образ старого солдата-рассказчика из стихотворения «Бородино»: «Это стихотворение отличается простотой, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзией» [1, IV, с. 128]; и сам лирический герой лермонтовской поэзии, который, по мнению критика, является представителем не только своего времени, но и своего народа и даже человечества: «Великий поэт, говоря о себе самом, о своем *я*, говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит всё, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнаёт свою грусть, в его душе всякий узнаёт свою и видит в нем не только *поэта*, но и *человека*, брата своего по человечеству» [1, IV, с. 521]; и второстепенные персонажи романа «Герой нашего времени» (Максим Максимыч: «И вот герой весь перед вами, с своим взглядом на вещи, с своим оригинальным способом выражения! Вы еще так мало видели его, так мало познакомились с ним, а уж перед вами не призрак, а типическое лицо, оригинальный характер, живой человек! Так осуществляют свои идеалы истинные художники: две, три черты – и перед вами, как живая, словно наяву, стоит такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете...» [1, IV, с. 206]; Грушницкий, который «по художественному выполнению (...) стоит Максима Максимыча: подобно ему, это тип, представитель целого разряда людей, имя нарицательное» [1, IV, с. 227]; драгунский капитан «бесподобен, хотя и является в тени, как лицо меньшей важности» [1, IV, с. 268]); и, наконец, Печорин. Белинский полностью солидарен с Лермонтовым, заявившим о типичности Печорина: «Герой Нашего Времени, милости-

вые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии», когда утверждает, что «Герой нашего времени» [2, IV, с. 8] – «это грустная дума о времени», а не об отдельном человеке, хотя бы это и был человек, который «не равнодушно, не апатически несет свое страдание...», «это вопль страдания, но вопль, который облегчает страдание...» [1, IV, с. 266, 269].

Но Белинский не был бы Белинским, если бы ограничился только уже созданной, безусловно, совершенной формулой величия поэтического гения, – он расширил ее новым, пятым признаком, который применительно к Лермонтову обозначил как неповторимость творчества, сравнил его произведения с произведениями А. С. Пушкина. Для Белинского Пушкин и Лермонтов – поэты двух разных поколений и двух разных эпох в истории России. С именем Пушкина, по мнению критика, связана поэма «Руслан и Людмила», с именем второго – поэма «Песня про ... купца Калашникова». В поэзии первого преобладают «светлые надежды, предчувствие торжества, сила и энергия», в лирике второго – «избыток несокрушимой силы духа и богатырской силы в выражении; но в них уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадно-стью, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов – поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем новое звено в историческом развитии нашего общества» [1, IV, с. 502–503].

Таким образом, Белинский вплотную подошел к определению пафоса творчества Лермонтова, усмотрев его в духе отрицания и в критическом анализе действительности: «Лермонтов – поэт беспощадной мысли-истины» [1, VII, с. 36]. Признав Лермонтова поэтом первой величины, новым «светилом» на горизонте русской поэзии, Белинский создал емкую по содержанию и лаконичную по форме формулу лермонтовского гения: Лермонтов – русский, народный поэт в высшем значении этого слова, в котором выразился исторический момент русского общества [1, IV, с. 521]; поэт, равный по силе таланта великим поэтам-европейцам; поэт-мыслитель: «Наш век есть век размышления. Поэтому рефлексия (размышление) есть законный элемент поэзии нашего времени, и почти все великие поэты нашего времени заплатили ему полную дань...» [1, IV, с. 520]. Такова и поэзия Лермонтова, она «растет на почве беспощадного разума и гордо отрицает предание» [1, VII, с. 37], при этом поэт оригинален в высшей степени: «Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе – в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елеиное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные

обаяния жизни, укоры совести, умиленное раскаяние, рыдания страсти и тихие слезы, как звук за звуком, льющиеся в полноте умирённого бурей жизни сердца, упоения любви, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни, безумная жажда восторгов, полнота упивающегося роскошью бытия духа, пламенная вера, мука душевной пустоты, стон отвращающегося самого себя чувства замершей жизни, яд отрицания, холод сомнения, борьба полноты чувства с разрушающей силой рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева – всё, всё в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад... По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов. Его поприще еще только начато, и уже как много им сделано, какое неистощимое богатство элементов обнаружено им: чего же должно ожидать от него в будущем?.. Пока еще не назовем мы его ни Байроном, ни Гёте, ни Пушкиным, и не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гёте или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет – *Лермонтов*... [1, IV, с. 545–546].

Подводя итог, скажем, что в своих статьях о Лермонтове В. Г. Белинский предельно четко и последовательно сформулировал основные положения своей концепции истинного поэта, а его творчество признал эталоном художественности, основой которой является мысль о глубоком единстве художественного произведения, естественности его развития и связи частей с целым, гарантом которых была признана поэтическая идея, пронизывающая все грани и элементы создания, с позиции которой критик рассматривал всю современную ему поэзию. Белинский явил собой редкий образец конгениального Лермонтову читателя, мысли и идеи которого, как и поэзия великого поэта, вызвавшая их к жизни, оказались безусловно созвучны нашему времени.

Литература

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 1953. В тексте статьи указание на том дано в скобках римской цифрой.
2. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1958. – Т. 4.